

11. Алексеева Е. Н. Особенности и перспективы образовательной миграции в эпоху глобальных трансформаций // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. «Социология и политология». 2012. № 4. С. 113–136.

12. Учебная миграция из стран СНГ и Балтии: потенциал и перспективы для России / К. А. Гаврилов, С. Н. Градиловский, Е. Е. Письменная и др.; под ред. К. А. Гаврилова, Е. Б. Яценко. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2012. 207 с.

13. Прогноз численности выпускников 11-х классов общеобразовательных школ Российской Федерации, тысяч человек (Прогноз изменения численности учащейся молодежи образовательных учреждений Российской Федерации (2007/08–2012/13 учебные годы). М.: ЦСП, 2008. 128 с.

14. Выхованец О. Д. Образовательная миграция как часть миграционной политики России: доклад на заседании Научного совета ФМС России. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0387/analit01.php> (дата обращения: 15.06.2016).

M. P. Zamotin

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

EDUCATIONAL MIGRATION IN MIGRATORY RESEARCH OF RUSSIAN AUTHORS

The educational migration is considered in the article as a type of social migration, the overview of the studied problems in focus of such disciplines as sociology, economy, demography is given, the question of importance of studying and regulating of educational migration in Russia is raised.

Migration, educational migration, educational migration, migrants

УДК 316.4; 316.47; 343.9

Т. В. Шипунова

Санкт-Петербургский государственный университет

РИСКИ ДЕВИАНТНОСТИ И СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

Рассмотрены риски молодежной девиантности сквозь призму социальной безопасности/защищенности этой социальной группы. В качестве генерализованного (общего) социального риска девиантности рассматривается социальная несправедливость. Приведены статистические данные о некоторых видах девиантности молодежи, а также данные об уровне социальной безопасности/защищенности молодежи¹.

Риск, социальный порядок, девиантность молодежи, превентивный социальный контроль, социальная безопасность, социальная справедливость

Представления о рисках девиантности являются конкретизацией общих идей о современном обществе рисков, основы которых были разработаны У. Бекком [1]. По его мнению, расширенное воспроизводство рисков является следствием развития технологических процессов. Риск, с точки зрения Н. Лумана, – это сложный комплекс обстоятельств, который, будучи отражен в сознании людей, направляет различного рода ответные реакции на изменяющуюся и неподконтрольную реальность [2]. Потеря контроля и невозможность

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00383.

рационального прогнозирования, как следствие утраты рутинизации повседневной жизни и адаптационных навыков, делает жизнь людей неуправляемой и непредсказуемой [3], вызывает страх и ощущение незащищенности. Чтобы выжить в современном обществе, человеку приходится постоянно оценивать риски с учетом культурного контекста [4], в который человек попадает с рождения и пребывает перманентно. В такой ситуации в более выигрышном положении находится тот, кто имеет соответствующее образование и знаком с культурой, основу которой составляют ценности, традиции, коммуникационные смыслы и правила межличностного взаимодействия.

Теоретическая рефлексия современной социальной реальности, преломленная через призму воспроизводства рисков, нашла отражение в теме социального порядка. Говоря о нем, авторы подчеркивают, что в современном обществе поддержание социального порядка связано с обеспечением социальной безопасности, на которую так или иначе ориентированы все социальные институты [5, с. 24]. Вместе с тем социальный порядок не может обеспечить защиту граждан от всех рисков, поскольку сам выступает как неопределенность [6]. Поскольку риски приходится выявлять в ситуации неопределенности, возникает двойственность в их оценке: это и объективная опасность, и субъективное восприятие и оценка этих угроз [7, с. 22].

Исследователи социального порядка не могли обойти стороной негативные социальные явления, которые, с одной стороны, являются угрозой (рисками) для социального порядка, а с другой – сами детерминируются социальной реальностью или, иначе, имеют риски возникновения в социальной реальности при определенном социальном порядке. Одним из таких явлений выступает девиантность молодежи, особенно в виде насильственных поступков. В конце XX в. в качестве риска возникновения молодежного насилия рассматривался процесс модернизации. Одна дискутирующая сторона утверждала, что молодежное насилие, как проявление варварства, является оборотной и неотъемлемой стороной модернизации. Другая отстаивала точку зрения, что насилие и модернизация – это противоположные явления, и целью модернизации как раз является преодоление варварства [8, с. 25].

В настоящее время девиантность молодежи оценивается как результат совокупности жизненных обстоятельств, неблагоприятного положения этой социальной группы и/или их семей. В качестве риска делинквентности могут выступать: неправильный контроль за половым созреванием, принадлежность к определенной этнической группе, социальный статус и взаимоотношения в семье [9, с. 82]. Кроме того, риски могут быть связаны с миграцией. Так, исследование 2007 г., проведенное в школах Германии, выявило, что среди тех, кто совершил насильственный проступок хотя бы один раз, немцы составили 13,6 %, турки – 26,8 %, русские – 23,5 %, югославы – 24,9 %, поляки – 24,8 %, итальянцы – 21,0 %, другие – 19,0 %.

Были выявлены также следующие главные факторы риска проявления насилия в подростковом возрасте: безработица родителей; недостаточное образование родителей; пережитое насилие со стороны родителей в детстве; насилие со стороны СМИ; необходимость высокого уровня соответствия стандартам мужественности, который легитимизирует насилие; друзья, совершающие насильственные поступки. Совокупность этих факторов приводит к совершению множественных насильственных проступков. Но чаще всего насилие совершают подростки-мигранты из неблагополучных и социально исключенных семей [10, с. 562–563].

Учет рисков возникновения девиаций лежит в основе современного превентивного социального контроля, особенно вторичной превенции, ориентированной на индивидов или

группы индивидов, которые потенциально имеют риск стать девиантами. Ее основная цель – интеграция молодого поколения в социум как условие сохранения стабильности и адаптивной гибкости общества. Превентивные мероприятия должны быть направлены на уменьшение давления факторов риска, т. е. улучшение положения и показателей, отражающих социальную безопасность и защиту молодежи, а также поиск ресурсов для актуализации факторов защиты и активизацию механизмов, разрушающих причинную цепочку между факторами риска и воздействием этих факторов [11, с. 26–27]. При этом под социальной безопасностью граждан понимается в первую очередь защита ценностей и интересов человека и семьи в социальной сфере, развитие системы жизнеобеспечения и социализации людей [12, с. 161].

Механизмом реализации социальной безопасности/защиты выступает социальная справедливость как принцип функционирования общества и распределения общественных благ. Этот принцип нацеливает на организацию такого порядка жизнедеятельности людей и организаций, который способствует выживанию и развитию социума, обеспечивает социальную безопасность/защиту, интеграцию и достойное существование членов общества. Достойное существование означает наделение людей благами, которые провозглашаются в качестве таковых в современном обществе: мера свободы, равенства, социальная защищенность, уровень образования, включенность в социальные сети, широкие возможности выбора легальных видов деятельности и т. п. В наибольшей степени это относится к молодому поколению, которое не имеет достаточных ресурсов для самостоятельного существования и полностью зависит от других социальных субъектов и институтов: семьи, системы образования, здравоохранения, институтов социализации, культуры и т. д.

Социальная несправедливость, реализуемая в разных сферах жизнедеятельности человека, порождает отчуждение – такое мироощущение и умонастроение человека, при которых он воспринимает окружающую его социальную действительность как глубоко несправедливую, чуждую и враждебную ему и которые являются психологическим (субъективным) следствием объективной лишенности человека права контроля условий, средств и собственной жизни.

Нарушение социальной справедливости и возникшее отчуждение ведут к возникновению различных форм молодежного протеста, в том числе и девиантными способами. Протест против несправедливости может быть пассивным (замыкание в себе, отчуждение и уход от действительности в бесплодные мечтания, в различные виды мистики, пьянство и алкоголизм, наркоманию, виртуальную реальность и т. д.) или же активным (вандализм, хулиганство, кражи, грабежи, убийства, организованная преступность и т. д.). Вместе они и формируют единый корпус девиантности.

Таким образом, социальная несправедливость выступает как генерализованный (общий) риск девиантности (ожидающая актуализации совокупность социальных детерминант), который распадается на множество факторов риска, возникающих в разных сферах человеческой жизни. В рамках данной статьи мы рассмотрим лишь некоторые факторы риска как исходного аргумента для возможной реализации превентивного социального контроля девиантности молодежи.

В соответствии с целями проекта «Положение и риски девиантности молодежи, проживающей в мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга)», в рамках которого было проведено исследование, нас больше интересовали данные о положении несовершеннолетней

и совершеннолетней молодежи в возрасте 14–29 лет, проживающей в Санкт-Петербурге¹. Однако в статье представлены и данные по России, отражающие общие тенденции всех регионов страны. Кроме того, мы использовали данные о детях до 14 лет, поскольку условия их жизни и социализации во многом определяют положение следующего поколения молодежи.

В качестве основания, систематизирующего разрозненные факторы риска, выступили модели личности девиантов [13, с. 19–84], в рамках которых развиваются многочисленные теории девиантности, так или иначе отражающие разнообразные проявления социальной несправедливости и, следовательно, факторы риска девиантности.

В *рационально-просветительской модели* непосредственным движителем человеческих поступков является собственный разум человека, его свободная воля. Однако в условиях несправедливо организованного общества, тенденциозных законов, способствующих чрезмерному обогащению одних и обнищанию других, обездоленный человек, во-первых, лишается возможности получить качественное образование, в результате чего он оказывается неконкурентоспособным на рынке труда, во-вторых, он лишается и свободы воли (в силу ограниченности выбора) и вынужден удовлетворять свои насущные потребности нелегитимными способами. Следовательно, основными факторами риска в данной модели выступают низкий уровень образования, безработица и невозможность удовлетворения потребностей вследствие плохого материального и финансового положения.

Рационально-просветительская модель стала основой развития теории рационального выбора, которая добавила к названным факторам риска положение о том, что рациональный подсчет выгоды происходит под влиянием референтной группы и соотнобразуется с разными социальными и психологическими основаниями [14, с. 90]. Фактором риска будет выступать как реальное обнищание, так и чувство нищеты бедных слоев населения, возникающее в процессе социального сравнения с богатыми [15], особенно если существует большой разрыв между доходами.

Необразованные или малообразованные люди (при прочих равных условиях) совершают насильственные преступления чаще высокообразованных потому, что образование «окультуривает» и облагораживает человека. Людям, не получившим достаточного образования, с одной стороны, значительно труднее бороться с такими пороками, как несдержанность, зависть, агрессивность и т. д., что зачастую является мотивом совершения девиантных поступков. С другой, они сравнительно мало обеспечены, занимают более низкую ступень в обществе, чаще и острее чувствуют на себе различные проявления социальной несправедливости и, соответственно, чаще протестуют против нее.

Молодежь (несовершеннолетняя и совершеннолетняя) является наиболее незащищенной от влияния названных факторов риска, поскольку не успела достигнуть достаточно высокого уровня образования, находится в экономической зависимости от семьи, что особенно тяжело переживается на фоне понижения уровня жизни российских граждан [16]. Данные обстоятельства способствуют возникновению преступности как наиболее опасной формы девиантности.

Вот только некоторые данные по Санкт-Петербургу. В Петербурге в 2015 г. наблюдался рост преступности несовершеннолетней молодежи (на 4,8 %, всего – 805 преступлений, из них 243 тяжких или особо тяжких). Выросло число преступлений, связанных с неза-

¹ Использовался анализ статистических данных и данных из официальных отчетов, находящихся в открытом доступе, а также вторичный анализ результатов некоторых исследований, связанных с темой проекта.

конным оборотом наркотиков. Настораживает рост рецидивной преступности несовершеннолетних (прирост составил 22 %). В совершении преступлений преобладала возрастная группа 16–17 лет (74,4 %); учащиеся составили 69,7 %; 61,6 % преступлений подростки совершили по месту своего проживания. Среди нарушителей уголовного закона доля девочек – 16 % (прирост – 1,5 %) [17, с. 251–254].

Картина преступности молодежи Петербурга отражает общую российскую тенденцию возрастания молодежной преступности корыстно-насильственной направленности, а также роста тяжких преступлений. На увеличение корыстной преступности оказывают влияние нестабильная социально-экономическая обстановка в стране, снижение уровня жизни, отсутствие постоянного источника дохода (64 % от всего количества выявленных лиц), безработица среди молодежи [18, с. 84]. Более половины правонарушителей из группы совершеннолетней молодежи не имеют постоянного дохода [19, с. 148]. В целом по России средний возраст подсудимых по корыстным преступлениям – 29 лет, причем большая часть преступников этой возрастной группы в 2009 г. имели статус безработного или рабочего [20].

Молодые люди, проживающие в Петербурге, в большом количестве совершают преступления даже в ближайшем окружении: каждое третье внутрисемейное насильственное преступление осуществлено в возрасте 18–29 лет и 2 % насильственных преступлений – в подростковом возрасте [19, с. 148]. Не последнее место в детерминации этого явления, с нашей точки зрения, играет понижение уровня общей культуры населения и неувоенность фундаментальных норм морали (разумеется, *ceteris paribus*).

В период кризисов, когда происходит обнищание населения, возрастает преступность учащейся молодежи. Так, по некоторым данным, в 2014 г. в Петербурге на 10,7 % выросло количество учащихся и студентов, совершивших преступления [18, с. 83].

Среди других девиаций можно назвать потребление наркотиков и алкоголя. В 2015 г. в Петербурге медицинские учреждения 668 раз оказывали помощь в случаях наркотического и алкогольного отравления несовершеннолетних. Большей частью это были случаи алкогольных отравлений. Кроме того, было зарегистрировано потребление психоактивных веществ (ПАВ) детьми младше 14 лет (7 случаев) и подростками от 15 до 18 лет (55 случаев) [17, с. 294].

Одним из косвенных показателей возрастания уровня девиантности среди молодых петербуржцев является статистика обращений подростков за помощью по телефону доверия. В 2015 г. выросло число обращений по вопросам суицида (353, в 2014 г. – 311), употребления ПАВ (468, в 2014 г. – 206), нарушения поведения – агрессия, девиация, делинквентное поведение (790, в 2014 г. – 548) [17, с. 161].

Между тем падение жизненного уровня россиян и расслоение общества по доходам продолжается. Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в среднем по России за первое полугодие 2015 г. выросла на 8,9 %, стоимость минимального набора продуктов питания за тот же период – на 13,5 % [16]. Уже в 2014 г. в Петербурге отмечалось существенное финансово-имущественное расслоение жителей при росте цен на товары и услуги первой необходимости. Почти половина всех денежных доходов приходилась на 20 % жителей с наибольшими доходами [21].

Не обнадеживает и ситуация, складывающаяся в системе образования. Например, в 2014 г. Правительство Петербурга отмечало недостаточную (на 94 %) укомплектованность кадрами учреждений общего образования и дошкольных учреждений (на 88 %), а также несоответствие развития сети учреждений общего образования (в первую очередь дошкольного)

тенденциям демографического и территориального развития; отсутствие подведомственных городу учреждений высшего и дополнительного профессионального образования, осуществляющих подготовку специалистов для приоритетных отраслей экономики города и т. д. [21]. По данным аппарата уполномоченного по правам ребенка, в Петербурге складывается неблагоприятная ситуация с дошкольным, начальным и дополнительным образованием. Особенно это касается районов новостроек, куда в основном переезжают молодые семьи. Это видно из обращений граждан к уполномоченному: если в 2010 г. таких обращений было 22, то в 2014 г. уже 322, а в 2015 – 515 [17, с. 55].

Социальная несправедливость в области образования заключается в том, что общество не может обеспечить доступное и высококачественное образование для всех граждан, а также полноценную социализацию молодого поколения. Основной причиной является неудовлетворительное финансирование системы образования. Об этом свидетельствует сокращение расходов на поддержку системы в 2016 г. Так, расходы на высшее образование составят всего 78 % от уровня 2012 г., дошкольное и профессиональное образование перекалывается на региональные бюджеты, что для большинства субъектов РФ является непомерной нагрузкой. В 2016 г. в номинальном выражении расходы на образование сокращаются на 8,5 % (по сравнению с 2015 г.) [22]. В такой ситуации стратегия развития системы образования Санкт-Петербурга до 2020 г. [23], в документе о которой уже в 2011 г. заявлялось о недостаточном финансировании системы, становится практически нереалистичной.

Если система образования и воспитания перестает выполнять свои функции, подключаются другие субъекты, готовые овладеть умами молодых людей. Одним из таких субъектов, безусловно, является Интернет, продвигающий различные проекты вовлечения молодежи в девиантность. Здесь прежде всего можно вспомнить о преступной деятельности некоторых интернет-сайтов, предположительно причастных к совершению суицидов как минимум 130 российскими детьми только в период с ноября 2015 по апрель 2016 г. [24].

В рамках *рационально-этической модели* в качестве риска девиантности выступает несправедливость, творимая в процессе воспитания и социализации. Факторы риска уточняются по-разному, в зависимости от разнообразных теорий [25, с. 122–146]. Социальная несправедливость, нашедшая отражение в многочисленных факторах риска, заключается в лишении некоторых детей и подростков благоприятной среды развития, установлении неравных возможностей приобщения к культурным ценностям, депривации родительского внимания и отсутствии добрых человеческих отношений в ближайшем окружении, нарушении их прав и интересов и т. д.

Вот некоторые данные, приводимые зарубежными исследователями и свидетельствующие о связи социализации в аморальной среде с различными проявлениями девиантного поведения [26, с. 76–77]:

– примерно 65 % детей, подвергающихся жестокому обращению в семье, имеют нарушения в поведении (39 % – в контрольной группе); эти нарушения чаще всего проявляются в виде проблем в учебе, а также проблем, связанных с интеграцией в социальную среду;

– эмоциональное насилие или изнасилование ведет к отказу от пищи (21 % опрошенных взрослых, подвергшихся в детстве этим формам насилия, в контрольной группе – 8 %), нанесению себе какого-либо вреда (соответственно – 34 % и 1 %), воровству (26 % и 6 % – в контрольной группе);

– среди взрослых, подвергавшихся жестокому обращению в детстве, курят 62 % (16 % – в контрольной группе), регулярно потребляют алкоголь 22 % (5 % – в контрольной группе), употребляют наркотики 18 % (3 % – в контрольной группе), предпринимали попытку суицида – 16 % (2 % – в контрольной группе), имеют трудности с сексом 60 % (15 % – в контрольной группе);

– женщины, подвергшиеся в детстве сексуальному злоупотреблению, позже гораздо чаще становятся жертвами новых изнасилований и начинают заниматься проституцией.

Российскую ситуацию с положением некоторой части детей и несовершеннолетней молодежи нельзя назвать удовлетворительной. По данным Росстата, в России только в первом полугодии 2015 г. по сравнению с первым полугодием 2014 г. выросло число таких преступлений, как половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (в 2,2 раза); изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (на 94,7 %); вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (на 11,1 %); вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (на 23 %) [16].

У исследователей вызывает тревогу рост процесса феминизации преступности. В России женщины все чаще совершают преступления (14,2 % среди общего количества лиц, совершивших преступление). Этот процесс имеет негативные следствия для преступности несовершеннолетних, поскольку поведение матери самым непосредственным образом влияет на формирование личности ребенка. Последствиями роста женской преступности неминуемо станет увеличение безнадзорности, социального сиротства и криминализации несовершеннолетних [18, с. 86].

О влиянии ближайшего окружения на девиантность несовершеннолетней молодежи свидетельствуют многочисленные исследования. Так, было выявлено, что более двух третей общего числа несовершеннолетних преступников воспитывались в конфликтных семьях, для которых нормой являлись скандалы, взаимные оскорбления, пьянство и разврат. А каждого восьмого рецидивиста, чей криминальный опыт начался в раннем возрасте, подтолкнули к этому примеры родственников: родителей, старших братьев и т. д. [27, с. 93].

Данные по Петербургу свидетельствуют о неблагополучии большого количества детей и молодежи. В 2015 г. число многодетных семей выросло на 19,2 %, в них проживает 90 486 детей. В немалой степени неблагополучию способствует и увеличение числа малоимущих семей – прирост на 21,7 %. На 26,6 % выросло количество детей, нуждающихся в особой поддержке (в числовом выражении – 94 838 детей) [17, с. 18]. Понятно, что сокращение расходов на социальную сферу самым негативным образом скажется на социальной защищенности этих детей.

Среди молодых петербуржцев сохраняется высокий уровень социального сиротства. Общее число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на 1 января 2016 г. составило 12 185, и только 241 из них являются биологическими сиротами. Впервые выявленных и учтенных детей-сирот в 2015 г. было 976 человек [17, с. 166]. Детский омбудсмен Петербурга считает, что для предотвращения социального сиротства необходима работа с семьями [17, с. 20]. Свою лепту в рост числа социальных сирот вносит отказ женщин от новорожденных. В качестве причин отказа часто указываются плохое финансовое положение и трудная жизненная ситуация [17, с. 213].

В 2015 г. в Петербурге и Ленинградской области зарегистрировано 1327 случаев розыска несовершеннолетних. Из этого числа 321 ребенок ушел из дома. Среди основных причин ухода из семьи специалисты называют, среди прочего, нарушение эмоциональных связей со значимыми взрослыми, отсутствие смысла жизни, принадлежность к асоциальной группе, протест против семьи и близких, стремление убежать от проблем [17, с. 155–156], т. е. как раз те факторы, которые ведут к девиантному поведению.

В ухудшении социальной защищенности детей, несовершеннолетней и некоторых категорий совершеннолетней молодежи не последнюю роль сыграл новый Закон РФ от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»: с 1 января 2015 г. только для некоторых категорий сохранено бесплатное социальное обслуживание. Многие категории граждан, нуждающиеся в поддержке государства, остались за рамками нового законодательства, в том числе из-за отказа от понятия «семья в трудной жизненной ситуации» [17, с. 22–23].

Согласно *антрополого-биологической модели* социальная несправедливость как риск девиантности в современной литературе конкретизируется в таких факторах риска: хромосомное и эндокринное предрасположение; отставание или опережение развития в период полового созревания; повреждение головного мозга в детстве; низкий уровень социального интеллекта; недостатки воспитания в семье, что, по мнению представителей клинической криминологии, сказывается на формировании особого типа личности, для которой характерны чрезмерный эгоцентризм, агрессивность, эмоциональное безразличие, неспособность к адаптации, а также импульсивность, упрямство, недоверчивость, деструктивность; врожденный инстинкт агрессии, различные психопатии и др. [28, с. 10–33]. По мнению современных исследователей, личность представляет собой некую рациональную целостность, состоящую из врожденных задатков и переменных влияния окружающей среды, зачастую выбираемой осознанно, а окружение человека в прошлом продолжает оказывать влияние на его личность в настоящем [29, с. 101–103].

Характеристики личности, выделенные в антрополого-биологической модели и выступающие в качестве факторов риска девиантности, при современном развитии медицины и фармакологии поддаются если не излечению, то коррекции. Следовательно, социально несправедливой будет неравная возможность диагностирования и получения медицинской помощи. Более того, имеются исследования, указывающие на связь девиантного поведения и с другими медицинскими проблемами. Проявляется это по-разному. Во-первых, некоторые корыстные преступления совершаются для того, чтобы достать деньги на операцию близкому человеку, например при онкологических или хронических заболеваниях, особенно если они наблюдаются у детей. Во-вторых, некоторые состояния, например повышенный уровень тревожности, могут привести к спонтанным агрессивным и/или насильственным поведенческим проявлениям.

В-третьих, наркологи отмечают, что чаще становятся наркоманами люди, жизненный путь которых сопровождался патологией беременности матери (токсины, инфекционные заболевания и др.); осложненными родами; частыми, тяжелыми и хроническими болезнями в детском возрасте; психическими заболеваниями и др. [30, с. 14–24]. В-четвертых, многие насильственные преступления совершаются людьми, страдающими разного рода психическими и психологическими нарушениями, которые (при нормальном функционировании системы здравоохранения) могли бы быть выявлены и подвергнуты лечению на ранних стадиях.

Социальная несправедливость как генерализованный социальный риск, влияющий на девиантность, выражается в неразвитой системе медицинского обслуживания, недостаточном финансировании здравоохранения, отсутствии общедоступности квалифицированных медицинских услуг. Приходится констатировать, что ситуация в российском здравоохранении складывается не самым лучшим образом. Вместо необходимого увеличения финансирования на нужды здравоохранения государство сокращает его: в 2016 г. в номинальном выражении расходы на здравоохранение сокращаются на 8 % (по сравнению в 2015 г.) [22].

В 2014 г. Правительство Петербурга отмечало недостаток учреждений здравоохранения амбулаторной сети в ряде районов города. При том, что в Петербурге высока смертность населения в трудоспособном возрасте (до 25 % от числа всех умерших), на одного врача приходилось 1,7 представителя среднего медицинского персонала (при нормативе один к трем). Укомплектованность отделений медицинской реабилитации врачами-физиотерапевтами составляла 74 %. Количество младшего медицинского персонала по уходу за больными было в два раза меньше количества штатных должностей. Острейшими проблемами являлись чрезмерный документооборот и сокращение заработной платы врачей и среднего медицинского персонала [21]. По данным Петростата, в октябре 2015 г. городу не хватало 389 врачей [31]. В середине января 2016 г. зафиксировано, что средняя укомплектованность штатов психоневрологических интернатов (ПНИ) Санкт-Петербурга составила 76,6 % [32, с. 163].

Уполномоченный по правам человека в Санкт-Петербурге в своем ежегодном докладе сообщил, что в 2015 г. сохранили актуальность следующие проблемы: а) плохое обеспечение лекарственными препаратами и медицинскими изделиями некоторых категорий граждан; 86,8 % инвалидов были вынуждены тратить на покупку лекарств собственные средства; б) неоказание медицинской помощи надлежащего качества [32, с. 101–105].

Недостатки, существующие в системе здравоохранения, только ухудшают ситуацию с заболеваемостью детей, которая и так оставляет желать лучшего. Как указывает в своем докладе детский омбудсмен Петербурга, в 2015 г. выросли показатели повторной инвалидности у детей, имеющих диагнозы «умственная отсталость», «расстройство психологического развития», болезни эндокринной системы [17], т. е. как раз те показатели, которые, в соответствии с исследованиями, являются факторами риска девиантного поведения (по крайней мере, в некоторых случаях).

По мнению экспертов, количество наркозависимых в Петербурге составляет 300 тысяч. Вместо бесплатного и доступного лечения наркоманий, как того требует российская ситуация, система здравоохранения принимает непосредственное участие в расширении потребления наркотиков: медицинские работники списывают наркотические препараты как израсходованные на лечение больных и поставляют их на продажу [33].

Легнее восстановление в оздоровительных лагерях имеет большое значение для нормализации в том числе психологического состояния детей и подростков. В 2015 г. граждане Петербурга 63 раза обращались к детскому омбудсмену по вопросам реализации права детей на отдых: 28 обращений касались организации и функционирования летних лагерей, 35 – деятельности иных организаций, осуществляющих право детей на отдых [17, с. 219]. Тревожной проблемой остается организация проживания и питания в некоторых летних оздоровительных лагерях [17, с. 140]. Вызывают тревогу случаи жестокого обращения с детьми со стороны отдельных воспитателей, выявленные летом 2016 г. в Ленинградской области [34].

Из всего сказанного можно сделать вывод: для сохранения социального порядка и будущего России следует уделять особое внимание минимизации социальных рисков девиантности, что предусматривает совершенствование деятельности социальных институтов, призванных обеспечить социальную безопасность и реализацию прав молодого поколения на образование, медицинское обслуживание, социальную защиту и т. д. Тем более что вклад в финансирование деятельности этих институтов имеет все шансы оправдать себя. По экономическим расчетам, социальная профилактика только в дошкольном возрасте приносит обществу прибыль в 4,75 долл. на каждый вложенный доллар. Прибыль образуется вследствие экономии в будущем на организации специального обучения, социальной помощи и борьбе с преступностью [35, с. 10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 135–160.
3. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011. 343 с.
4. Douglas M. Risk and Blame: Essays in Cultural Theory. L.: Routledge, 1992. 323 p.
5. Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3–35.
6. Яницкий О. Н. Социология критических состояний общества: теоретические и методические проблемы // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4 (8). С. 5–24.
7. Daase Ch. Unsicherheit und Politik: Eine Hinführung // Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur / hrsg. von Ch. Daase, S. Engert, G. Kolliarakis. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2014. S. 19–29.
8. Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1986. 396 s.
9. Schwarzenegger Ch. Gewalt in der Familie in Japan // Gewalt in der Kleingruppe und das Recht: Festschrift für Martin Usteri / hrsg. von M. Gruter, M. Reh binder. Bern: Stämpfli, 1997. S. 75–101.
10. Pfeifer Ch., Baier D. Jugendgewalt als Wahlkampfthema. Eine Kriminologische Analyse zum hessischen Landtagswahlkampf des Jahres // Interdisziplinäre Kriminologie. Festschrift für Arthur Kreuzer zum 70. Geburtstag. Zweiter Band. Frankfurt: Verlag für Polizeiwissenschaft, 2008. S. 550–574.
11. Frühprävention von Gewalt und Aggression: Ergebnisse des Züricher Interventions- und Präventionsprojektes an Schulen / M. Eisner, D. Ribeaud, R. Junger, U. Meidert. Zürich/Chur: Rüegger Verlag, 2007. 260 s.
12. Кузнецов В. Н. Социология безопасности: учеб. пособие. М.: МГУ, 2007. 423 с.
13. Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. М.: Наука, 1985. 247 с.
14. Хоманс Дж. Социальное поведение как обмен // Соврем. зарубеж. соц. психол. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 82–91.
15. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.
16. Социально-экономическое положение России – 2015. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_01/Main.htm (дата обращения: 25.08.2015).
17. Ежегодный доклад Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге за 2015 г. СПб., 2016. URL: <http://www.spbdeti.org/id5872> (дата обращения: 21.07.2016).
18. Ефимовский А. В., Стебенева Е. В. Современная преступность: тенденции, причины, прогноз (на примере Санкт-Петербурга) // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2015. № 1 (65). С. 82–86.
19. Харламов В. С. Криминогенность молодежи мегаполиса (на примере Санкт-Петербурга) // Вестн. Владимирского юрид. ин-та. 2012. № 3 (24). С. 146–150.
20. Статистика преступлений в России. URL: <http://echo.msk.ru/blog/echomsk/1342674-echo> (дата обращения: 16.07.2016).
21. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13 мая 2014 г. № 355 «О Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года». URL: http://spbstrategy2030.ru/?page_id=102 (дата обращения: 17.07.2016).

22. Волкова О., Ткачев И. Эксперты ВШЭ предупредили об опасности остаться без флота и ракет. URL: <http://www.rbc.ru/economics/04/11/2015/5638ebda9a7947eb4b04525f> (дата обращения: 17.07.2016).

23. Стратегия развития системы образования Санкт-Петербурга 2011–2020 гг. «Петербургская школа 2020». URL: <http://school268.spb.ru/wpcontent/uploads/2010/09/Стратегия-развития-системы-образования-Санкт-Петербурга-на-2010-2020-годы.pdf> (дата обращения: 21.07.2016).

24. Группы смерти (18+) // Новая газ. 2016. № 51. С. 2–5.

25. Шипунова Т. В. Девиантология: современные теоретико-методологические проблемы. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. 245 с.

26. Kindesmisshandlung. Erkennen und Helfen. Hg. Kinderschutz-Zentrum. Berlin: Kinderschutz-Zentrum Berlin, 2000. 157 s.

27. На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России (опыт социологического анализа) / под науч. ред. М. Е. Поздняковой и Т. А. Хагурова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; М.: Ин-т социологии РАН, 2012. 344 с.

28. Психологическое тестирование: Диагностика и прогнозирование отклоняющегося поведения подростков в образовательной среде: учеб.-метод. пособие / под общ. ред. О. В. Зыкова. М.: РБФ НАН, 2012. 144 с.

29. Найденова Н. Г. Некоторые медико-социальные вопросы токсикоманий у подростков // За здоровый образ жизни (борьба с социальными явлениями): материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. Брест, 14–16 сент. 1988 г. Ч. III. С. 101–103.

30. Актуальные проблемы организации медико-психосоциальной помощи несовершеннолетним, злоупотребляющим психоактивными веществами, в условиях крупного города / С.-Петерб. гос. мед. пед. акад., ГУ «Городской центр профилактики безнадзорности и наркозависимости несовершеннолетних»; ред. В. И. Орел, В. М. Середа, С. М. Яцышин. СПб.: Амир, 2003. 295 с.

31. Карасев И. Городу нужны врачи и повара // Метро С.-Петерб. 2016. № 190. С. 2.

32. Доклад Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге за 2015 г. СПб.: ПОЛДИЗ, 2016. 209 с.

33. Город в цифрах. Уровень преступности. URL: <http://echo.msk.ru/blog/yopolisnews/1348716-echo> (дата обращения: 19.07.2016).

34. Детский лагерь звериного режима. URL: http://www.fontanka.ru/2016/06/30/119/?utm_source=relar (дата обращения: 05.07.2016).

35. Грэхэм Дж., Беннетт Т. Стратегии предупреждения преступности в Европе и Северной Америке / Европейский институт по предупреждению преступности и борьбе с ней, ассоциированный с ООН, Хельсинки, 1995. 125 с.

T. V. Shipunova

Saint Petersburg State University

RISKS OF DEVIANCE AND SOCIAL SECURITY OF YOUTH

Since deviance of youth is a result of certain life circumstances and social disadvantage, the author proposes to consider the risks of youth deviance through the prism of social security / protection of this social group. Social injustice is considered as a generalized (general) social risk of deviance. The reasoning of the author is supported by statistical data about certain types of youth deviance, as well as data about the level of social security / protection of young people.

Risk, social order, youth deviance, preventive social control, social security, social justice
